

Николай Михайлович Карамзин

«Сид»

Николай Михайлович Карамзин

«Сид»

Карамзин дает высокую оценку «русскому Сиду», то есть трагедии Корнеля, переведенной белыми стихами Я. Б. Княжнинным; издана в Петербурге в 1779 году.

«...Корнель, сочиняя своего «Сида», имел у себя перед глазами две гишпанские драмы сего содержания, из которых, говорит Вольтер, взял он самые лучшие и трогательнейшие места своей трагедии, бывшей, так сказать, основанием его славы; ибо до того времени знала его французская публика только по «Клитандру» и «Медее», двум весьма несовершенным трагедиям. «Сид» долгое время был любимейшею пиесою парижской публики, и самые новейшие французские писатели почитают его если не лучшею, то по крайней мере трогательнейшею из всех Корнелевых трагедий...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0015

Николай Михайлович Карамзин «Сид»

трагедия в стихах; подражание французскому «Сиду», сочиненному П. Корнелем

Действие происходит в Севилле, во время царствования Фернанда, первого кастильского короля. Химена, дочь графа Гормаса, и Родриго, сын дон Диега, престарелого полководца, любят друг друга, король должен избрать гофмейстера кастильскому принцу. Гормас думает, что никто, кроме его, не имеет права на сие достоинство; но король избирает дон Диега. Граф, исполненный зависти и досады, оскорбляет сего последнего, называя его недостойным оказанной ему чести. Они ссорятся, обнажают мечи – Гормас обезоруживает Диега, повергает его перед собою и с презрением оставляет его. (У Корнеля он дает ему пощечину.) Диего, униженный и посрамленный в собственных своих глазах, закликает сына своего отмстить графу. Родриго, помышляя, что он отец Хименин, колеблется; но скоро должность торжествует – он вызывает графа на поединок и убивает его. Вот завязка трагедии. Теперь следует одна из лучших сцен в пиесе.

С одной стороны, является перед троном Химена и требует от короля суда на убийцу отца своего, хотя сей убийца есть ее любов-

ник; а с другой, дон Диего, оправдывающий своего сына. Король обещает суд. Дон Санхо, молодой рыцарь, влюбленный в Химену, вызывается быть ее мстителем. (Тут сочинитель русского «Сида» удаляется от французского оригинала; но мы последуем плану сего последнего и потом означим отмены в плане первого.) Химена не принимает его предложения, надеясь на правосудие, обещанное королем. Родриго приходит к ней и требует смерти от руки ее. Любовь с должностию сражаются в сердце Химены. Она признается в первой, однако ж хочет требовать Родриговой головы и умереть с ним вместе.

Между тем мавры нечаянно приближаются к городу. Все в смятении и в беспорядке. Печальный Родриго присоединяется к друзьям отца своего, которые собрались у него в доме; вместе с ними идет против мавров, нападает на них и, оказав удивительную храбрость, побеждает и с лаврами к королю возвращается. В самую ту минуту, когда король обнимает в нем спасителя своего и дает ему имя Сиды, или победителя, приходит Химена требовать правосудия. Сид удаляется. Король,

подозревая, что она все еще любит Родрига, и желая в том увериться, рассказывает ей, что судьба отмстила за нее и что Родриго убит в сражении. Она бледнеет. «Сид жив, – говорит король, – жив, любит тебя, и рука твоя должна быть ему наградою за славную победу». Но Химена, снова вооружась твердостью, обещает руку свою тому из рыцарей королевских, кто убьет Родрига. Дон Санхо выступает с мечом, и король соглашается на сей поединок. Но кто из них будет победителем, говорит он, тот должен быть супругом Химены. В начале пятого действия приходит Родриго к Химене проститься с нею навеки. Он решился умереть от руки того, кому она поручила свое мщение; хочет обнажить грудь свою перед мечом своего противника и пасть от удара его. Вся сила любви возбуждается в сердце Химены. «Когда ты презираешь жизнь и честь свою, – говорит она, – то вспомни, что я некогда тебя любила и что рука моя должна быть наградою победителя, – вспомни и победи!» С этими словами она поспешно удаляется, и восхищенный Родриго чувствует в себе силу сразиться с тысячами и победить[1]. Сражаются –

Сид обезоруживает своего противника и посылает его к Химене повергнуть меч свой к ее ногам и признаться побежденным. Химена, видя Санха входящего с мечом в руке, почитает его победителем и, не дав ему сказать ни слова, предается отчаянию и перед самим королем обнаруживает всё свое сердце, любви исполненное. Родриго является и падает к ногам ее. Король хочет соединить любовников; но, щадя честь Химены, отсрочивает брак их; посылает Сиду преследовать мавров и заключает трагедию сими стихами:

*Pour vaincre un point d'honneur qui
combat contre lui,
Laisse faire le temps, ta vaillance et
ton roi[2].*

Сочинитель русской трагедии переменял порядок приключений. Его Сид выходит на поединок с дон Санхом прежде сражения с маврами, и против сих последних идет он не добровольно с друзьями отца своего, но сам король посылает его и дон Санха, поручая им свое войско и обещая Химену тому, кто окажется более храбрости. Сид возвращается с победою, и король, признавая его достойным

Химениной руки, оставляет времени совершить брак их (так же, как у французского автора).

Корнель, сочиняя своего «Сид», имел у себя перед глазами две гишпанские драмы[3] сего содержания, из которых, говорит Вольтер, взял он самые лучшие и трогательнейшие места своей трагедии, бывшей, так сказать, основанием его славы; ибо до того времени знала его французская публика только по «Клитандру» и «Медее», двум весьма несовершенным трагедиям. «Сид» долгое время был любимейшею пиесою парижской публики, и самые новейшие французские писатели почитают его если не лучшею, то по крайней мере трогательнейшею из всех Корнелевых трагедий. Впрочем, по признанию Французской академии, «Сид» имеет пороки, и великие пороки. Вероятно ли, например, то, чтобы добродетельная девица, какою автор хотел представить Химену, могла решиться быть супругою убийцы отца своего в самый тот день, в который убийство совершилось? Вольтер берется оправдывать сию развязку трагедии, но в самом деле нимало ее не оправдыва-

ет. «Химена не выходит замуж за Сиды, – говорит он, – правда, но она дает чувствовать, что пойдет за него, – а это все одно. Вероятно ли даже и то, чтобы король, не будучи самым грубым и нечувствительным человеком, вздумал в тот день говорить ей о браке?» – Хотя Химена по истории в самом деле вышла за Родрига; однако ж, если она подлинно была так добронравна, как говорят об ней гишпанские историки и поэты, то, конечно, не так скоро по смерти отца своего вздумала она идти за него. Можно согласиться с Корнелем,

*Que le temps assez souvent a rendu
légitime,
Ce qui semblait d'abord ne se pouvoir
sans crime[4].*

К тому же есть такие приключения, которые хороши только для историка, а не для драматического поэта. Историк должен описывать все как было, не думая о впечатлении, которое сделает в читателе описываемое им приключение; но драматический поэт должен иметь у себя в предмете известное действие, то есть он должен производить в зрителе или радость, или горечь. Иногда в тече-

ние драмы может он манить его радостными видами, для того чтобы наконец заставить его тем сильнее чувствовать горечь. Так, например, в «Эмилии Галотти» Одоардо говорит о том счастье, которым дочь его в объятиях любви будет наслаждаться, а после пронзает ее кинжалом. Иногда поэт представляет героев своих на краю гибели – то есть производит в нас печальные чувства, – для того, чтобы после, спасши их, заставить нас тем больше радоваться. Так, например, в Расиновой «Ифигении» до последней сцены все печально; но наконец Ифигения спасена, и зритель вдруг развеселяется в душе своей. Коротко сказать, развязка драмы непременно должна быть или печальна, или радостна для зрителя и оставлять в нем чистые, несмешанные чувства. Теперь я спрашиваю, какого рода есть развязка Корнелева «Сида»? Ее нельзя назвать печальною, для того что зритель видит соединение любовников или уверен в том, что оно беспрепятственно последует. Но ее нельзя назвать и радостною, для того что он не может одобрить сего соединения и не может почитать его счастливым. Мысль, что Хи-

мена рано или поздно будет мучима совестью и, вспомня, как умер отец ее, может увидеть в супруге своем убийцу, обагренного кровию; мысль, что в самых нежных объятиях любви может ей представиться укоряющий образ отца, – сия мысль мешает зрителю радоваться.

Но почему же «Сид» мог так нравиться французской публике? Потому, что в нем есть хорошие сцены и трогательные чувства; потому, что в нем много прекрасных стихов. – Послушаем, что вообще о французских трагедиях, а особливо о Корнелевых, говорит один из остроумнейших французов, д'Аламберт, в письме к другу своему Вольтеру, который прислал к нему свои примечания на Корнелева «Цинну» («Correspondance de Mr. de Voltaire», 89 том полных его сочинений): «Voulez-vous que je vous parle net, comme misanthrope, et sur la pièce et vos remarques? Je vous avouerai d'abord que la pièce me paraît d'un bout à l'autre froide et sans intérêt; que c'est un conversation en cinq actes, et en style tantôt sublime, tantôt bourgeois, tantôt suranné; que cette froideur est le grand défaut, selon moi, de

presque toutes nos pièces de théâtre, et qu'à l'exception de quelques scènes du «Cid», du cinquième acte de «Rodogune» et du quatrième d'«Heraclius», je ne vois rien (particulièrement dans Corneille) de cette *terreur* et de cette pitié qui fait l'âme de la tragédie. Si je suivais donc mon penchant, je dirais que presque toutes ces pièces sont meilleures à lire qu'à jouer; et cela est si vrai qu'il n'y a presque personne aux pièces de Corneille et médiocrement à celles de Racine»[5]

. – Сей ужас, сию жалость, которые д'Аламберт весьма справедливо называет душою трагедии, найдем мы в Шекспире и в некоторых немецких драматических сочинителях. Французские трагедии можно уподобить хорошему регулярному саду, где много прекрасных аллей, прекрасной зелени, прекрасных цветников, прекрасных беседок; с приятностию ходим мы по сему саду и хвалим его; только все чего-то ищем и не находим, и душа наша холодною остается; выходим и всё забываем. Напротив того, Шекспировы произведения уподоблю я произведениям природы, которые прельщают нас в самой своей нерегулярности; которые с неописанною силою

действуют на душу нашу и оставляют в ней незагладимое впечатление.

Обращаясь к русскому «Сиду», скажем, что сия трагедия, которою на нынешнее лето театр закрылся, была очень хорошо принята московскою публикою. Многие прекрасные стихи были замечены, и громкие рукоплескания раздавались в партере и в ложах.

Г-жа Марья Синявская представляла Химену и во многих местах своей роли по справедливости заслуживала рукоплескание зрителей. Господин Лапин играл ролю Диега, г. Сахаров – Родрига, а г. Померанцев – Гормаса. Кажется, что первый мог бы лучше представлять гордого, пламенного Гормаса, а последний – старого и слабого Диега; по крайней мере так думали многие из зрителей.

Примечания

Впервые опубликовано в «Московском журнале», 1791, июль.

Карамзин дает высокую оценку «русскому Сиду», то есть трагедии Корнеля, переведенной белыми стихами Я. Б. Княжнинным; издана в Петербурге в 1779 году.

Примечания

Я видел «Сида» на парижском театре и помню, что сие место трагедии сделало во мне приятное впечатление. Сен-Фаль, молодой человек, имеющий все нужные для актера дарования, играл ролю Сида. В самую ту секунду, когда Химена сказала: «Sors vainqueur d'un combat dont Chimène est le prix» (Кто тот победитель, кому наградой будет Химена? (*франц.*) – *Ред.*), лицо его переменилось; после печального уныния изобразилась на нем живейшая радость; глаза его наполнились огнем; вынув меч и подняв руку свою, произнес он голосом героя, уверенного в своей победе, сей стих: «Est-il quelque ennemi qu'à présent je ne dompte?» (Найдется ли враг, которого я не смогу победить? (*франц.*). – *Ред.*)

[^^^]

2

*А успокоить в ней неотжитую
боль
Помогут смена дней, твой меч и
твой король.*

(Перевод с французского М. Лозинского. – *Ред.*)

[^^^]

3

Одну сочинил Диамант, а другую г. де Кастро.

[^^^]

4

*Течение времени не раз узаконяло
То, в чем преступное нам виде-
лось начало.*

(Перевод с французского М. Лозинского. – Ред.)

[^^^]

То есть: «Хотите ли, чтобы я как мизантроп прямо сказал вам свое мнение о пиесе и ваших примечаниях? Мне кажется, что пиеса от начала до конца холодна и неинтересна; что она есть не что иное, как разговор в пяти актах, писанный то высоким, то низким, то старинным слогом; что сия холодность есть великий недостаток почти всех наших театральнх пиес и что, кроме некоторых сцен в «Сиде», пятого действия в «Родогюне» и четвертого в «Ираклии», нигде нет (а особливо в Корнеле) сего ужаса, сей жалости, которые составляют душу трагедии. Итак, по моему мнению, все сии пиесы лучше для чтения, нежели для представления. Потому-то ныне почти никого не бывает в театре, когда играют Корнелевы трагедии; и очень немного, когда Расиновы представляют».

[^^^]